

Д.Б. Терешкина

ЧУДЕСА В ЖИТИЯХ НОВГОРОДСКИХ СВЯТЫХ: ТИПОЛОГИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Аннотация: В статье предлагается обзор чудес в житиях новгородской традиции, преимущественно позднего Средневековья и раннего Нового времени. Чудеса, часто являющиеся основным датирующим признаком редакции жития, рассматриваются зачастую как своего рода «вспомогательная» часть агиографического произведения, порой выбивающаяся по стилистическим или композиционным признакам из общего контекста. Однако вместе с развитием агиографического жанра меняется и оценка чудес самими книжниками. Чудеса не только становятся центральными эпизодами житийных текстов или циклов (как в случае с Николой Кочановым или братьями Алфановыми, а также более древним житием Иоанна Новгородского); меняется сам модус изображения чудесных событий: он смещается с фигуры святого на тех, с кем совершаются чудеса. Количество чудес многократно увеличивается, детализируются фактические сведения о происходивших чудесных событиях (где они происходили, когда (вплоть до месяца и дня указанного года), с кем (приводятся точные имена, род занятий, социальное положение, родственные связи, происхождение лица, с кем произошло чудо), даются точные сведения о том, где проживает исцеленный или спасенный. Своего рода «тиражирование» однотипных чудес не вызывает у книжников вопросов, ибо очевидным фактом считается помощь определенного святого в исцелении конкретных недугов, и чем более таких свидетельств, тем сильнее слава святого. Тексты о чудесах либо максимально приближаются к деловой письменности (как в житии Феоктиста Новгородского или некоторых чудесах Евфимия Вяжищского), либо, напротив, сохраняют и даже развивают художественно-беллетристический (порой с элементами психологизма) стиль агиографического риторического повествования (как в чудесах Антония Римлянина или Николы Кочанова), либо составляют сложную комбинацию списочного перечисления свершившихся чудес и похвалы святому, утрачивающей свое самостоятельное значение (как в Косинских редакциях житий новгородских святых). Анализ типов и художественного своеобразия чудес в житиях новгородских святых позволяет делать выводы о сложной литературной ситуации в области агиографической традиции в позднее Средневековье и раннее Новое время: вероятнее всего, общие для демократизирующейся письменности тенденции в каждом конкрет-

ном случае имели свои особенности, связанные со множеством факторов (традицией почитания святого, текстологической историей жития, вкусами составителей конкретных редакций и т. д.). Нельзя исключать и изменение мировоззрения человека, смещение его в некотором смысле к прагматическому пониманию святости — как миссии непосредственной помощи живущим, — которое уже не могла игнорировать обращенная к человеку литература.

Ключевые слова: житие, чудо, Новгород, агиографический цикл, традиция, трансформация жанра.

Daria B. Tereshkina

MIRACLES IN THE LIVES OF NOVGOROD SAINTS: TYPOLOGY AND ARTISTIC ORIGINALITY

Abstract: The article offers an overview of miracles in the lives of Novgorod tradition, mainly of the late Middle Ages and early Modern times. Miracles, which are often the main dating feature of the life (*vita*) edition, are often considered as a kind of “auxiliary” part of a hagiographic work, sometimes breaking out of the general context by stylistic or compositional features. However, along with the development of hagiographic genre, the assessment of miracles by the scribes themselves also changes. Miracles not only become central episodes of hagiographic texts or cycles (as in the case of Nikola Kochanov or the Alfanov brothers, as well as the more ancient life of John of Novgorod); the mode of depicting miraculous events itself changes: it shifts from the figure of saint to those with whom miracles are performed. The number of miracles increases many times, the actual information about the miraculous events that took place is detailed (where they occurred, when (up to the month and day of specified year), with whom (exact names, occupation, social status, family ties, origin of the person with whom the miracle occurred), accurate information about where lives healed or saved. A kind of “replication” of the same type of miracles does not cause scribes questions, because the obvious fact is help of a certain saint in healing specific ailments, and the more such evidence, the stronger the glory of the saint. Texts about miracles either come as close as possible to business writing (as in the life of Theoktist of Novgorod or some miracles of Evfimy Vyazhishchsky), or, on the contrary, preserve and even develop an artistic and fictional (sometimes with elements of psychologism) style of hagiographic rhetorical narration (as in the miracles of Anthony the Roman or Nikola Kochanov), or make a complex combination of list enumeration miracles that have happened and praise for the saint, which loses its independent meaning (as in the Kosin version of lives of the Novgorod saints). The analysis of the types and artistic originality of miracles in the lives of Novgorod saints allows us to draw conclusions about the complex literary situation in the field of

hagiographic tradition in the late Middle Ages and early Modern times: most likely, the trends common to democratizing writing in each case had their own characteristics associated with many factors (tradition of veneration of the saint, textual history of vita, tastes of the compilers specific editions, etc.). It is also impossible to exclude a change in a person's worldview, shifting it in a sense to a pragmatic understanding of holiness — as a mission of direct assistance to the living — which could no longer be ignored by the literature addressed to a person.

Keywords: life (vita), miracle, Novgorod, hagiographic cycle, tradition, genre transformation.

Чудо в агиографическом тексте занимает одно из центральных мест. «Чудо — повествование о неожиданном, часто сверхъестественном событии, происходящем по воле Бога и разрешающем какие-то земные проблемы» [18, с. 73]. Чудо как изображение присутствия Бога в земном мире является идеологическим ядром агиографического повествования.

Новгородская агиография, полная история которой еще не написана, является одной из наиболее представительных в древнерусской литературе. Границы новгородской агиографии не могут быть установлены с абсолютной точностью, ибо географическое определение распространения новгородской святости зыбко вследствие постоянно менявшихся границ Новгородской земли и степени ее влияния на сопредельные земли. Однако именно по отношению к поздней житийной традиции локальная определенность текстов становится более четкой; причиной тому, кроме прочего, становится усиление местного, «краеведческого» сознания, постепенного оформления понятия «своей» культуры, призванной заботиться о сохранении и своей уникальности, и себя как таковой.

Состав новгородской житийной литературы неоднороден: уже стало традицией обозначать в корпусе новгородских житий его так называемый «костяк», т. е. наиболее древние и наиболее популярные произведения: «Житие Варлаама Хутынского» [3, с. 13–95, 271–281; 21; 22; 26], «Житие Иоанна Новгородского» [24; 20, с. 129–131], «Повесть о житии Михаила Клопского» [20, с. 146–148; 23; 28], «Житие Антония Римлянина» [13; 20, с. 110–112; 25]. Литературная их история различна, равно как и художественное своеобразие. В подавля-

ющем большинстве случаев именно чудеса становятся основным датирующим признаком той или иной редакции жития [3; 6; 9 и др.]. Следует признать, что с определенностью говорить о некоторой реальной основе чудес, относящихся ко времени земного пути святого, можно исключительно редко. Во всех остальных случаях это, как правило, художественное осмысление известных литературных (реже — фольклорных) сюжетов, имеющих назидательный смысл и не привязанных к какому-либо определенному персонажу. Таково, например, известное чудо Варлаама Хутынского о двух осужденных, произошедшее, согласно житию преподобного, на мосту через Волхов. Как показала Т.Б. Карбасова, это чудо, созданное (или по крайней мере записанное, судя по сохранившимся спискам) в первой трети XVI в. книжниками Иосифо-Волоколамского монастыря, было присоединено к Житию Варлаама Хутынского [6, с. 248–250]. То же самое можно сказать о житии Антония Римлянина: легендарный характер текста (плавание святого на камне из Рима в Новгород, чудо с приплывшей вслед за подвижником бочкой с добром, использованным затем для основания монастыря, и т. д.) отмечается всеми исследователями.

Прижизненные чудеса святого, как правило, отличаются большим многообразием. Их уникальность, при всей этикетности агиографии, определяется большей или меньшей степенью художественности текстов в зависимости от их легендарной или реальной основы. Кроме того, чем более отдалено создание текста от реального жизненного пути святого, тем больше вероятности того, что текст чуда будет и более художественным. Таковы жития Антония Римлянина и Варлаама Хутынского, Житие Иоанна Новгородского, состоящее из цикла чудес, главным героем которых стал легендарный новгородский архиепископ (повесть о путешествии Иоанна на бесе в Иерусалим [30], сказание о битве новгородцев с суздальцами [34], сказание о построении церкви Рождества Богородицы [29]). Говоря об особом пристрастии новгородской житийной литературы к фольклорным источникам, исследователи отмечают, что «это не зависит ни от типа жития (житие святителя, житие преподобного или, как Житие прп. Михаила Клопского, произведение, соединяющее в себе черты житий преподобного и юродивого), ни от времени, отделяющего кончину святого от создания жития. Так, использование фольклорных источников в Житиях свт. Иоанна Новгородского († 1186; Житие датируется

XV в.) и прп. Антония Римлянина († 1147; Житие было написано не ранее 30-х гг. XVI в.) можно было бы объяснить большим временным интервалом между кончиной святых и началом их прославления и в силу этого утратой документальных источников, однако с момента кончины прп. Михаила Клопского (в кон. 50-х гг. XV в. или в 1471) до создания его Жития прошло менее полувека, а первая редакция представляет собой подборку устных рассказов о святом легендарного характера» [33, с. 306]. Л.А. Дмитриев считал, что тип жития и жизненный подвиг святого всё же определяли разную степень генерации новых текстов о нем и почитание святого в последующие века после его преставления (например, бóльшие применительно к Варлааму Хутынскому и мёньшие — к Иоанну Новгородскому) [3, с. 95–96]. Следует пояснить, что отмеченная нами «художественность» в отношении чудес разных произведений новгородской житийной литературы и проявляет себя по-разному. В случае с житием Михаила Клопского его реальный жизненный путь как юродивого, чье появление в монастыре (равно как и другие деяния святого при его жизни) было и чудесным, и «театрально-комическим» (с обывательской точки зрения), поэтому дальнейшая переработка жития (когда память святому была утверждена) шла по пути усиления преподобнических мотивов, похвальной составляющей повествования о святом (особенно в Тучковской редакции). В случае с Антонием Римлянином и Варлаамом Хутынским, почитание которых в Новгороде имело давнюю широкую традицию, мы, вероятно, имеем дело со своего рода процессом центростремительного притяжения имен, когда появление новых текстов о том или ином событии, связанном со святыми, было постоянным, особенно активизирующимся в разные эпохи, в связи с реальными событиями в монастырях, основанных ими, или в самом Новгороде (как в случае с видением пономарю Тарасию [21]). В любом случае отражавшаяся в текстах память о каждом святом представляла собой постоянно развивающийся, живой процесс.

К «ядру» текстов новгородской агиографии примыкают жития новгородских святых, имеющих прежде всего локальное значение, созданные в поздний древнерусский период и раннее Новое время [4]. В их число входят, например, жития архиепископов Моисея, Феоктиста, Ионы, Серапиона, жития юродивых Арсения, Феодора и Николы Кочанова, повести об обретении мощей пяти братьев

Алфановых и девицы Гликерии. В обзор настоящей статьи вошло около сотни чудес (большая часть из которых — посмертные), входящих в тексты житий новгородских святых поздней рукописной традиции в списках из собрания Новгородского государственного музея (НГМ): жития Антония Римлянина (НГМ КР 191, первая треть XIX в.) и опубликованные нами списки житий Евфимия Вяжицкого, архиепископа Моисея (НГМ КП 30056-212 / КР-247, конец XVIII в.), Феоктиста Новгородского (НГМ КП 30056 – 316/ КР 313, XIX в.), Феодора юродивого (НГМ 30056-291/КР-291, XIX в.), Арсения юродивого (НГМ КП 30056 – 226 / КР 81, конец XVII – начало XVIII в.), сказание о Николе Кочанове, сказания об обретении мощей девицы Гликерии, сказание о явлении мощей преподобных братьев Алфановых (все три текста — в сборнике НГМ КП 30056 – 212/КР 247, конец XVIII в.) [36, с. 53–95].

Прижизненные чудеса в текстах житий позднего средневекового периода, как правило, выделены в самостоятельные части с собственным заголовком. Чудо как «жанрово-литературная форма» [12] действительно со временем становится всё более самостоятельной композиционной частью, входящей в житийное произведение как в жанр-ансамбль [7, с. 151]. Чудо представлено читателю жития как отдельный сюжет, в сгущенном виде изображающий зримое и здесь-и-сейчас совершающееся действие силы Божьей. Кроме того, поздняя житийная традиция, в которой житийные тексты создавались «по анфиладному принципу, допускавшему наращивание текста за счет других произведений» [4, с. 130], не стремилась к воссозданию канона, а житийные тексты со временем всё более походили на циклы разнородных произведений, объединенных именем святого.

В качестве иллюстрации приведем рассмотрение прижизненного чуда новгородского юродивого Николы Кочанова — чуда о пире у вельможи по списку конца XVIII в. из собрания Новгородского государственного музея (КР 247), входящее в цикл из двух чудес Николы (второе чудо — об оклеветанном клирике — происходит от мощей Николая Кочанова). Это одно из наиболее пространственных прижизненных чудес в текстах житий новгородских святых. Канонического текста жития Николы Кочанова в древнерусский период не было создано [35], а рукописная традиция жития, включая редакции, созданные в раннее Новое время, остается не изученной. Биографические све-

дения о Николе Кочанове крайне скудны [31], а повествование о его прижизненных деяниях сводится к циклу из нескольких рассказов о чудесах святого, в том числе позднего происхождения.

Прижизненное «чудо о пире» Николы Кочанова повествует о том, как один новгородский вельможа (на левом поле листа новгородского списка с началом чуда читается указание, что им был новгородский посадник), имевший любовь к святому, позвал Николу к себе на пир. Помедлив немного, Никола пришел в дом вельможи, где уже собрались другие гости, однако хозяина не застал. Будучи поругаем от других гостей за свою худость и нищенский вид, Никола ушел, вознося хвалы Богу. Прибывший вскоре хозяин послал отроков за вином, медом и прочим питьем, которое хранилось в доме его, и не нашли отроки припасов, словно их не бывало. Тогда вельможа спросил у отроков, был ли в его доме святой Николай, и понял, что за грехи его изгнан был юродивый из его дома. Послал вельможа отроков добрых в город искать на торжищах и распутьях, и нашли отроки святого, который вернулся, имея нрав незлобивый. Вельможа встретил Николу на входе в свой дом, усадил за стол с именитыми гостями и сам со своими отроками служил ему. По слову святого принесено было к столу питье, чудесным образом обнаружившееся там, где оно и было, только лучше прежнего. И запретил Николай вельможе рассказывать о чуде, тайком уйдя из его дома. Вельможа с того дня еще большую любовь имел к святому, видя волю Божественную в его деяниях.

Созданное на основе похвального слова Николе, чудо о пире развивает традиционные для агиографического повествования мотивы поругания мирянами угодника, чудесного прибавления вина, запрета на разглашение чуда. При этом в чуде нашли отражение характерные для новгородских житий указание на высокое мирское происхождение святого («бѣ бо блаженный добра рода»), мотив неузнавания юродивого (подобно тому, как это было отражено в житии Михаила Клопского), подчеркнутое внимание к факту сословного разделения городского сообщества Новгорода. Будучи традиционным в отношении агиографической топики, чудо о пире вписывается и в ряд известных текстов о Николе юродивом, подвизавшемся непосредственно на территории Новгорода (а не в его пределах), и в позднюю местную житийную традицию новгородских текстов агиографического круга.

Стоит отметить, что репертуар прижизненных чудес в поздней новгородской агиографии достаточно скуден¹. Это чудеса о проречении святыми природных явлений, рождения детей, даты своего преставления, а также повествования о завершении строительства храмов до своей смерти, которое осуществилось по молитвам святого. Приходится признать, что некоторые поздние чудеса были своего рода художественным распространением кратких упоминаний в иных редакциях житий каких-либо деталей жизненного пути героя. Таков, видимо, и рассказ об «особенном обычае юродства» новгородских святых Николы и Феодора в списке жития Николы Кочанова XIX в. из собрания РНБ [10, с. 41–44]. Краткое упоминание сказаний о Феодоре и Николе о том, что святые подвизались на разных «сторонах» (Торговой и Софийской) Новгорода, не смея переходить на «чужую» для каждого из них сторону², переросло в пространный, полный деталей и оживленный диалогами рассказ о том, как однажды святой Феодор, будучи приглашенным в дом к некоему благочестивому мужу, проживавшему на Софийской стороне, после долгих уговоров решился пойти «не на свою» территорию, где, не без помощи коварных новгородцев, жителей Софийской стороны, знавших о вражде святых, был вскоре обнаружен Николой, затеявшим с Феодором драку. Этот рассказ, вероятнее всего, был создан и под влиянием

¹ Малое число чудес, в том числе прижизненных, или вовсе их отсутствие — характерная черта поздней агиографической традиции, не только новгородской [4, с. 124–125].

² В списке Новгородского музея КП 30056-212/ КР 247 тексты «О святом блаженном Христа ради юродивом Николае Кочанове из слова похвального вкратце» и «Месяца ианнуария въ 19 день преставление блаженнаго Христа ради юродиваго Феодора, новгородскаго чудотворца» содержат почти идентичные фрагменты: «Юродство святыи Николай творяше всегда на странѣ Софийской; на Торговую же страну хождаше весьма мало. Ибо съ тоя Торговья страны сего блаженнаго Николаа юродивовавший въ то ж время въ Великомъ Новѣградѣ святыи и блаженный Феодоръ, егда усматриваше, бѣгая въ слѣд, бросаая въ святаго Николаа, что на земли прилучашася, не попуская ему быти на страны Торговой, всегда прогоняше на Софийскую, глаголя: “Не ходи на мою страну, живи на своей!” А святыи Николай, егда не можаше от него инуды уклонитися, то чрезъ реку Волхов по водѣ пребѣгая на страну Софийскую. Феодоръ же святыи далѣе рѣки за ним уже не гоняшася, что самое и святыи Николай над святымъ Феодоромъ, егда усматриваше его на Софийской странѣ, творяше» [36, с. 86; ср.: с. 89 — в слове о Феодоре].

чуда Николы на пиру у вельможи. Никола и Феодор, своей извечной враждой служившие своего рода доведенным до абсурда примером извечной вражды новгородцев обеих «сторон» города, словно в кривом зеркале повторяли дела друг друга: Никола на пир к вельможе попал, совершив там свое ставшее широко известным чудо; однако сделать подобное Феодору не дал — блаженный Феодор так и не попал в дом пригласившего его благочестивого жителя Софийской половины Новгорода. Повествования о новгородских святых продолжали жить своей активной жизнью и в Новое время, далеко уже не раннее.

Посмертные чудеса, происходившие от раки святого, его иконы, святынь, с ним связанных, и просто при упоминании его имени, чаще всего однотипны: это дарование чад, исцеления, проречения о будущем, обретение потерянных вещей и др. Типологию посмертных чудес, исходя из мотивных и композиционных признаков, в свое время предложил И.В. Стародумов на материале общерусской агиографии; в его классификацию входит 14 типов посмертных чудес [12, с. 11–12]. В новгородских житиях (так же, как и общерусских) главное место занимают чудеса-исцеления. Примечательно, что в Житии Арсения юродивого читается чудо святого об исцелении не человека, а животного: коня стрельца Андрея, имевшего большую веру к святому. Читаются также чудеса о спасении утопающих (в классификации И.В. Стародумова они названы «морскими» чудесами, однако в новгородской агиографии чаще описываются случаи избавления тонущих в реках и на озерах); чудеса об обретении потерянного сокровища (в Житии Арсения преподобного таким «сокровищем» стали церковные ключи, оброненные в Волхов пономарем церкви Жен-мироносиц); чудеса о наказании за проступок (хула на святого, разбойное нападение на монастырь, нарушение обета). В списке жития Антония Римлянина КР 191 читаются: избавление от смерти по молитвам к святому (спасся упавший с кровли строящегося храма мастер Герасим; остался невредимым младенец в пеленах, выпавший из судна, потерпевшего крушение на Волхове); множественные исцеления от беснования, расслабления, зубной боли, повреждения ума (в одном случае речь шла об исцелении сразу двух человек, в другом — сразу трех, в третьем — сразу пяти болевших, потому в некоторых из чудес проявление чуда увеличивается кратно обретшим здоровье помощью святого); в круг чудес входят также

рассказы о явлении мощей святого, о просиянии света ночью в монастыре святого (5 августа 1655 г.), о прекращении дождя, шедшего с 1 июня до 3 августа 1662 г., о низведении дождя в засуху, продолжавшуюся в один год от Светлой Седмицы до дня Петра и Павла, о прекращении огня, занявшегося от упавшей свечи, об обращении зерна из невсхожего в плодородное, о построении церкви во имя Антония Римлянина в Славенском конце (1669 г.).

Обретение мощей ранее неизвестных святых [8], которое само по себе является чудом, становится еще одним типом посмертных чудес. В круге приводимых нами в качестве источников новгородских житий это сказание о явлении мощей братьев Алфановых и сказание о девице Гликерии, мощи которой были обретены спустя около полувека после преставления святой. Несомненно, житиями в полном смысле их назвать сложно, поскольку земной путь святых не мог быть восстановлен, и текст сказания компоновался из рассказа о явлении мощей и последовавших затем чудес от них. Однако если считать посмертное чудо жанрово-литературной формой, входящей в житие относительно самостоятельной частью, сказания о явлении мощей также могут стать типологической единицей в классификации посмертных чудес. В любом случае такие сказания традиционно включаются в круг агиографических текстов, зачастую не будучи преобразованными в более или менее полноценные житийные сказания, оставаясь на стадии чуда как такового. Это явление стало одной из характерных черт позднего периода развития житийного жанра.

Чудеса-видения в анализируемых текстах новгородских житий редки и в «чистом виде» не встречаются. Это всегда видение, сопряженное с оказанием конкретной помощи визионеру. Таково, например, явление святого Николы Кочанова клирику Иоанну и прощение ему разоблачения обоглавшего его рукописание должника Исакия [36, с. 86–87]; таково и явление преподобного архиепископа Моисея купцу Алексею, ранее не узнавшему святого и получившему, его молитвами, спасение на водах (см. ниже).

Посмертные чудеса в житиях новгородских святых становятся более или менее представительной частью в текстах в достаточно поздний период. Большое количество посмертных чудес содержат жития Евфимия Вяжищского в списке КР 247 конца XVIII в. из Новгородского музея (11 чудес), Феоктиста Новгородского в этом же сборнике житий (28 чу-

дес, последнее из которых датировано 23 января 1786 г.), Антония Римлянина (39 посмертных чудес, включая чудеса о явлении мощей святого и др.) в списке Новгородского музея КП 30056-38/ КР 191 (XIX в.).

Из шести агиографических сборников Новгородского музея XVII–XIX вв. с житием Антония Римлянина три являются сборниками монографического типа, т. е. посвящены исключительно Антонию Римлянину [16]. Время наиболее активного распространения такого типа сборников, согласно исследованию Т.Б. Карбасовой [5], — XVII и XVIII вв., причем бóльшая часть из них формируется вокруг имен тех святых, которые были прославлены в конце XVI — начале XVII в. К примеру с прославлением Антония Римлянина, канонизированного к общерусскому почитанию в 1597 г., это относится в полной мере. Сборники монографического типа пополнялись, по наблюдению Т.Б. Карбасовой, новыми текстами, относящимися к святому, и зачастую становились своего рода летописью монастырской жизни. Это явление наблюдаем во всех трех монографических сборниках, посвященных Антонию Римлянину: в двух из них находится наибольшее количество посмертных чудес. Все чудеса относятся к XVII в. (последнее из чудес датировано 1678 г.) и содержат очень точные сведения о местных реалиях, что позволяет говорить не только о новгородском происхождении этой части агиографического корпуса об Антонии Римлянине, но и о его летописном характере (в описании 21-го чуда есть указание, что его «пред очима нашима сотвори преподобный» [32, л. 39 об.]). Все чудеса предваряются замечанием о том, что новые чудеса «ничим же меньше древних чудес» [32, л. 31] и повествуют о многочисленных исцелениях. В списке КР 191 чудеса сгруппированы в несколько блоков, входящих в один текст, предваряемый единым содержанием: сказание о житии преподобного (с чудом о бочке с сокровищами), похвальное слово Антонию, два посмертных чуда, сообщение о тростях Антония, далее еще два чуда святого, повествование о явлении мощей Антония, затем блок посмертных чудес с пятого по двадцать первое, затем, после сообщения о новых чудесах, следуют рассказы о них под номерами с первого по восемнадцатое, далее краткое сообщение о хронологии жизни святого и две его грамоты³.

³ Здесь мы уточняем количество и группировку чудес, приведенных нами ранее в росписи состава списка [16].

Добавляют чудеса детали к пониманию особенностей почитания Антония в Новгороде. Так, чудо 15 повествует о некоей больной жене Анастасии, которой явился Антоний с посохом, таким, каким был написан на иконе. Следовательно, был такой иконографический тип, не получивший затем широкого распространения. Чудо о больной монахине Ираиде с язвами на ногах упоминает о святыне Антониева монастыря — тростях, т. е. морских водорослях, которые Антоний держал в руках, пока плыл на камне из Рима в Новгород. Больная молилась у раки святого, затем приложила к язвам трости Антония и исцелилась. Следует предполагать, что в монастыре имелось некое подобие морских водорослей, которые использовались как святыня для утешения приходящих с бедами в Антониеву обитель. В самом деле, перед повествованием об исцелении от тростей Антония читается небольшая глава с рассказом о том, как обретенны были эти трости: игумен Кирилл, разбирая однажды монастырские вещи, увидел, как «въ сокровеннѣ мѣстѣ поставлены быша трости морские; онъ же вземъ их и вопросы древныхъ братий, что си есть таковое» [32, л. 21], и сказали насельники монастыря, что это водоросли, которые держал в руках Антоний, когда плыл из Рима в Новгород.

Из чудес-исцелений примечательно чудо 1663 г., произошедшее с «московских пригородов» дворянином Никитой Ивановым сыном Сватковым: «егда спящу ему на одре, и внезапно ему в нощи вниде во ухо таракан, и от той ему болезни бысть во главе терзание и глухота нападе на него» [32, л. 43 об.]. Придя со своей бедой к Антонию, «припадающее к мощам святого и приложися ко пречестным и многоцелебным мощем его тем ухом, в неже вниде таракан» [32, л. 43 об.], и прошла боль, и был здрав московский дворянин. Пожалуй, это одно из тех посмертных чудес-исцелений, которые не вписываются в общую схему типичных чудес такого типа, и описанные бытовые подробности ситуации, вероятнее всего, основаны на реальных фактах, отражавшихся в устных местных преданиях, вошедших затем в регулярно пополнявшиеся списки посмертных чудес жития легендарного новгородского святого.

Чудеса (прижизненные и посмертные) в житиях новгородских святых содержат множественные упоминания о новгородских топонимах, именовании церквей и других пространственных объектах. Это

названия городов (Великий Новгород, Сольцы, Новая Руса, Псков, Порхов, Москва, Пернов (Пярну), Санкт-Петербург (в описании чудес второй половины XVIII в.), Нижний Новгород), улиц (Коржева, Лубяница, Легоща, Федорова, Славная), рек (Волхов, Нева, Сясь), Торговая и Софийская стороны Новгорода, Алексеевская слобода, церкви Св. Софии, Рождества Богородицы Арсениева монастыря, Жен-Мироносиц, Знамени Пресвятой Богородицы на Ильине улице, Пророка Илии, трапезная Иоанна Богослова Вяжицкого монастыря; Ярославово дворище, Юрьев монастырь, Вяжицкий, Сквородский, девичий Сокольницкий, Антониев, Богоявленский монастырь на Сясь-реке, Благовещенский Аркажский; погосты Должинский, Холынский, Коростынский, Городенский; деревни Хлевищи, Шарок, Вережа; сёла Ракомо, Витцы, Яжелбицы; волость Медведская; пятины Водская, Шелонская, Деревская, Обонежская, Дегожский погост и др. Это отражает одну из главных особенностей местной литературной традиции — внимание к реальным местам подвига святого [36, с. 106]. Имена лиц, упоминаемых в чудесах, важны не только сами по себе, как свидетельство истинности произошедшего, но и как отражение широкого круга людей из разных сословий и мест Новгородской земли. Так, в списке КР 191 жития Антония Римлянина приведены не только многочисленные имена мирян и духовных лиц, но и их род занятий, родственные отношения, прозвища и место проживания: игумен Кирилл, Феодор свечник, священник Трифон, пономарь Дометий, митрополиты Александр, Варлаам, вел.кн. Феодор Иоаннович, иконописец Ананий, боярин Борис Федорович, жена Солецкого священника Ирина, хлебопек Игнатий, Силуан, сын Прокопия из Старой Руссы, девица Марфа Стефанова дочь из села Русина Косицкого, Иван Матвеев из Новой Русы, со Мшаги, Авраамий Васильев сын из Порхова, Агафья Васильева дочь, из села Витца митрополита Варлаама, Тит Стефанов сын с Лубяницы, сестра Ираида из Радоковицкого женского монастыря, боярин Андрей по прозвищу Мурат Мордвинов из Обонежской пятины в ста поприщах от обители святого Антония, Марфа Тимофеева дочь из девичьего монастыря за Алексеевской слободою, страж Трофим, боярин Иван Борисович Репнин-Оболенский, дворянин Константин Иоаннов сын Ушаков, боярин Петр Васильевич Шереметьев, Иоанн Охлопок с Федоровой улицы, Трофим Павлов сын по прозвищу Турыбалка со Славковой улицы, священноинок

Савватий и др. В этом протокольном описании каждого из получивших помощь святого видится, несомненно, внимание к рядовому человеку, наблюдающееся как общая черта русской культуры позднего Средневековья; в этом же, несомненно, отражается сильное влияние на житийную традицию деловой письменности — прежде всего переписных книг. Общее стремление к расширению включаемых в агиографическое повествование лиц свидетельствует также об усилении светских начал в меняющейся в своем характере церковной литературе⁴.

Кроме сходства новгородских житий с общерусскими в отношении типологии посмертных чудес, производимой по мотивно-композиционному принципу (исцеление, проречение, наказание, спасение, видение), стоит отметить некоторые специфические характеристики чудес в составе новгородских житий.

Протокольность описания и однотипность посмертных чудес в поздних житиях новгородских святых отражается в клишированности текстов (лишь с изменением лиц и дат, с «протокольной» нумерацией каждого чуда) — таких, словно писанных по одному лекалу, чудес в поздних новгородских списках очень много (до нескольких десятков в каждом из наиболее пространственных текстов). Приведем фрагмент из объемного повествования о посмертных чудесах архиепископа Феоктиста:

Тоя же Шелонския пятины дворянинъ Лазарь Пантелеймоновъ бысть въ болъзни многое время, обѣщася же чудотворцу Феоктисту, исцѣление получи.

⁴ Отметим, что при всей трансформации житийной традиции она продолжала развиваться и гораздо позже, в том числе после окончания советской эпохи. В издании жития Антония Римлянина, предпринятого в Новгороде в 1990-е гг. (для широкого читателя, но по изложению нескольких рукописных списков, в том числе новгородских) [27], кроме всех чудес позднейших редакций агиографического цикла об Антонии Римлянине, помещен раздел о новейших чудесах: об эпидемии холеры в 30-е гг. XIX в., чудо с неким Н., ведущим разгульный образ жизни и через зубную болезнь пришедшим к вере в св. Антония; чудо с неким С., у которого после долгого бесчадия в 1995 г., по молитвам к Антонию, в день памяти святого 3/16 августа родилась дочь; рассказ об известном явлении радуги над центральным куполом св. Софии в день памяти святого в 1991 г.

Дворянинъ Феодоръ Мелединской бысть бездѣтенъ. Обѣщася же святителю, дабы дароваль Богъ дѣти, и его святителя молитвами 1713 года дарова Богъ сына.

Симеонъ Савельевъ сынъ Зеленинъ бысть бездѣтенъ, обѣщася же съ женою своею Евдокиєю святителю Феоктисту, и Богъ дарова молитвами святителя сына Аггея.

Новгородскаго купца Лаврентия Маскурина жена бысть въ 1713 году въ болѣзни многое время. И обѣщася чудотворцу Феоктисту, исцѣление получи [36, с. 79].

Подобная компоновка кратко, почти конспективно изложенных большого числа посмертных чудес святого наблюдается в поздних списках житий Евфимия Вяжицкого, Арсения юродивого. В Косинских редакциях житий новгородских святых в Трефологионе Бориса Козынина 1687 г. из Старой Руссы (РНБ, F.I.729) посмертные чудеса излагаются не только конспективно, но и представляют фактически перечень чудесных событий, порой составляя похвалу святому [13, с. 197; 1, с. 243–244], что, по верному наблюдению А. Алексеевой, «как кажется, вытекает из установки создать единый текст о святом, где одинаково важны и биография, и чудеса» [1, с. 255]. Часть текста, в конспективном, лишь констатирующем виде повествующая о чудесах, воспринималась, судя по всему, отнюдь не как нечто чужеродное в житии, прежде всего, потому, что само житие, при всех его композиционных и мотивных константах, этикетности изображения, было своего рода очевидной констатацией уже подтвержденной святости, особенно в поздний древнерусский период и раннее Новое время. По меткому выражению С.С. Аверинцева, «самый жест исцеления чудом описывается не только как милость, оказанная немногим, но как знак, поданный всем» [19]. Кроме того, повторяемость ситуаций с чудесами святого после его смерти объясняется практическими причинами: к святому и шли за конкретной помощью, прослышав, что именно он помогает в таких случаях. Так, например, святой Евфимий Вяжицкий помогал от трясавицы, и комплекс посмертных чудес в житии Евфимия рассказывает об исцелении именно от лихорадки; в некоторых из чудес прямо указывается обоснование обращения к святому по этому поводу. Таково чудо девятое: «Нѣкто отъ Московских предѣлъ, рода болярска, нарицаемый именемъ Евфимий, саномъ

бѣше в Новѣградѣ подъячей; сему бывшу такожде одержиму трясавицею. Слышавъ же о чудесех, бывающих от гроба святаго Евфимия архиепископа, наипаче же тою болѣзнию изнемогающимъ исцѣление подаваетъ. И прииде в монастырь, рекомый Вяжища...» [36, с. 67] и получил исцеление. Примечательно в этом случае совпадение имени исцеленного с именем святаго — тоже нередкий случай в описании чудес. Или чудо 11 с Андреем Клобуковым: «Бѣ нѣкто от рода бояр-ска Андрей Клобуковъ; сей бѣше прислан в то время великимъ самодержцемъ Иоанномъ Васильевичемъ диаконъ Новуграду. И случися ему тою же студеною болѣзнию одержиму быти велми. И слыша от нѣких, како бѣвают исцѣления различнымъ недугомъ от раки честныхъ мощей святаго архиепископа Евфимия, наипаче же от сея студеныя болѣзни избавляетъ. И толику вѣру примѣ в себѣ, яко отложить ему всю немощь плотскую и власть сана, и пѣшешествовати ему от града до святаго мѣста, идѣже лѣжатъ многоцѣлебныя мощи архиеереа Христова Евфимия...» [36, с. 68]. Здесь, помолившись у раки святаго, получил Андрей Клобуков исцеление.

Примечательно, что сам недуг, от которого исцеляются люди, напрямую связан со святынями, принадлежавшими угоднику. В случае с Евфимием Вяжищским это вериги, которые носил подвижник в своей земной жизни и которые сохранялись в монастыре. К веригам прикладывались, их накладывали на больного трясавицей — и они словно умирjali плоть болящего, как когда-то для умирнения собственной плоти были носимы их святым владельцем.

Важно отметить, что в житиях новгородских святых посмертные чудеса описываются в отношении людей известных или тех, кто к ним приближен. Мало примеров с чудесами, описывающими «жену некую» или «некого мужа». Это всегда конкретные люди: боярские дети, посадники, игумены, архиереи, келари и помощники известных лиц, а также их родственники. Кроме не раз отмечавшейся в исследованиях трансформации в XVII в. общерусской житийной традиции, это говорит, как нам кажется, о двух важных факторах. Во-первых, в Новгороде всегда важно было социальное положение того или иного человека — и чем известнее был тот, с кем произошло чудо, тем большее значение приобретало само это чудо. Во-вторых, общинность, вечевой уклад жизни Новгорода отчасти сохранялся и в неечево́й период: важным оказывался замкнутый городской контекст [14; 15],

чтобы все в городе были извещены о случившемся и приняли его как общественный факт. Примечательно упоминание в Житии Арсения Новгородского о том, как пономарь церкви Жен-Мироносиц уронил в Волхов церковные ключи, и, уповая на святого и помолившись ему, взял грабли, стал боронить дно речное, и положил на грабли, «яко руками», ключи его, и пономарь «преподобнаго чудотворца Арсения» «прославилъ предъ народомъ» [36, с. 56].

Еще одно примечательное свойство новгородских чудес: они часто совершаются с теми, кто является насельником или служителем монастыря святого, кто живет рядом, является прихожанином храма и т. д. «Свой» святой был важен в агиографии не менее, чем в практике возведения новгородцами «своего» кончанского храма, своего храма новгородскими купцами на Ярославовом дворище, где «церкви кустом стоят». Это, например, позволило келарю Вяжищского монастыря Митрофану, внезапно пораженному параличом, просто рукой указать на место, где стояла рака Евфимия, и на вериги святого, как братия поняла, что нужно сделать для исцеления болящего. Это же обстоятельство обусловило появление шестого чуда в Житии Евфимия: еще при его жизни был в Софийском соборе некий протодиакон Феодор, имевший глубокое почтение к святому. Феодор отходил к Богу после смерти Евфимия и завещал погresti себя у церкви Рождества Христова. Во сне явился ему Евфимий, в том виде, каким живой был. И сказал Феодор братии после видения: «Блаженный Евфимий архиепископъ прииде ко мнѣ и зовѣтъ мя в свой монастырь. Молюся вамъ, яко да отнесете тѣло мое в честную обитель, нарицаемую Вяжища, аможе и зван бых» [36, с. 66].

Не лишены повествования о чудесах в житиях новгородских святых разработки мотива извечного противостояния Новгорода и Москвы. Этот мотив отражен в чуде с московским боярином Андреем Клобуковым, отложившим «власть сана» и пришедшим к Евфимию Вяжищскому за исцелением. Этот же мотив, в широко развернутом виде, читается в Житии Моисея Новгородского, в обитель которого прибыл новый, поставленный Москвой, архиепископ Сергей, не пожелавший поклониться «смердину сыну» и получивший в наказание повреждение ума.

Интересным чудом-исцелением можно считать одно из посмертных чудес (под № 5) Евфимия Вяжищского. Некий Захарий, бывший

в услужении архиепископу Ионе, впал в недуг и страдал, одержимый трясавицей. Прибыв в Вяжищский монастырь и помолившись, Захарий получил исцеление и спустя два дня отправился в Новгород, несмотря на уговоры братии и игумена еще некоторое время побыть в монастыре. На пути к дому Захарий впал в недуг еще больший, чем прежде, и вынужден был возвратиться в монастырь, где после покаяния и молитв получил окончательное исцеление. Мотив «возвратившейся болезни» напоминает о возможной потере благодати, если чудо не будет воспринято с должным вниманием к чудотворцу и Господу.

Неоднократность воздействия молитвенной силы святого на одного и того же человека подтверждается и другим чудом — с купцом Алексеем в Житии архиепископа Моисея [36, с. 72–73]. Алексей однажды тонул в Неве, идя в ладье в Выборг по торговым делам и упав в быстрину водную. Хватался он за тонкие водоросли, погружался всё глубже, увлекаемый быстрым течением, и уже прощался с жизнью, как предстал перед ним, не призываемый тонущим, честной муж, сединами украшенный, не могущий перенести гибель овцы из его стада, и, под руки подхватив, держал его над водой, пока не вернулись за Алексеем товарищи и не приняли его в ладью. Не узнав святого, купец вознес благодарные молитвы Богу, «виновника спасения», но тот случай в сердце хранил. В иной раз на том же маршруте (об этом говорит следующее чудо в житии) Алексей вместе с другими торговыми судами подвергся нападению разбойников, промышлявших в месте прохождения торговых судов. Моисей, блюдя паству свою новгородскую и по своей смерти, оказался сидящим в лодке Алексеевой и охранил невредимыми Алексея с его товарищами. Алексей узнал того же угодника, который уже когда-то помогал ему, и взмолился Богу об открытии тайны. Ночью во сне Моисей явился купцу и, не сообщив своего имени, сказал: «Иди в монастырь святого архистратига Михаила, егоже создах, и сотвори покровъ на гробъ моему» [36, с. 73]. И имел Алексей веру великую с тех пор к Моисею и ко Господу. Важно отметить, соглашаясь с Л.А. Дмитриевым [3, с. 267] и И.В. Стародумовым [12, с. 12], что описания чудес спасения на водах действительно оказываются наиболее подробными и художественно проработанными.

Представляется целесообразным сделать выводы о демократизации жанра в позднюю эпоху древнерусского периода и раннее Новое

время именно в связи с увеличением числа чудес, прежде всего посмертных, и упрощением стиля их изложения, приближения языка житийного повествования к языку деловой прозы и демократических повестей XVII в. Поздняя новгородская агиография вписана в общерусскую традицию местной житийной литературы XVII–XVIII вв., своеобразной «краеведческой агиографии», с достаточно короткой биографической частью, большим количеством посмертных чудес, разностилевым характером составляющих житие композиционных частей. Дополнением к этим факторам может быть изменение мировоззрения человека, смещение его в некотором смысле к прагматическому пониманию святости — как миссии непосредственной помощи живущим. Многократно увеличившееся количество чудес подтверждает стремление к восприятию очевидного чуда, того, чему можно «удивляться», что можно «почувствовать» без особых на то интеллектуальных и религиозных усилий⁵. Неочевидное не является чудом, а сам путь святого, зачастую лишенный экзальтации и ярких эпизодов, считается если и неординарным путем человека, отличающимся от жизни простых смертных, то во всяком случае ожидаемым и вполне типичным для подвижника. Понимание, что сама жизнь человека — это чудо, а жизнь человека, устремленного к Богу, — чудо из чудес, было доступно далеко не многим, и зрелищность похвального жития, как и зрелищность сюжетов более популярного в народе Пролога, а также житийных икон, сюжетами избиравших яркие деяния святого, стала одним из признаков беллетризации религиозной литературы. При этом сохранялось литературное восприятие чуда как присутствие Божественного начала в повседневном мире человека — в отличие от устной речевой стихии севернорусских говоров, где «дискурс чуда» разработан очень слабо и практически не совпадает с тем, что сложился в литературном языке» [2, с. 237], в той рефлексии чудесного, с какой мы имеем дело «в случае “высокой” (книжной) культуры с развитой рефлексией и со специальными текстами» [17, с. 117]. Это обстоятельство важно иметь в виду в исследовании позд-

⁵ Следует отметить, что, по наблюдению Т.Б. Карбасовой, особое внимание новгородских книжников к чудесам, нередко объединявшимся в особые сборники, наблюдается еще в первой половине XVI в. [6, с. 248]; специально готовившиеся для житий списки чудес иногда «не доходили» до включения их в житие — как это было в случае с Житием Александра Свирского [11].

ней агиографической традиции: несмотря на процесс «обмирщения» житийного повествования, оно ни в коей мере не утрачивало своего религиозного характера, и в этом смысле было противопоставлено устной речевой стихии, проникавшей и в другие жанры поздней книжной культуры, менее стойкие к размыванию границ между сакральным и профанным миром.

Чудеса оказались самой продуктивной частью житий. Жития новгородских святых, особенно позднего средневекового периода, шли по пути экстенсивного расширения части посмертных чудес, разраставшейся до внушительных размеров, в некоторых случаях значительно превосходивших размеры собственно «биографической» и похвальной составляющих агиографических текстов. Пока не проведена текстологическая работа со всеми памятниками корпуса новгородских житий, трудно говорить о принципах художественной обработки повествований о чудесах в том или ином тексте, типе текстов и др. Вероятно, принципов, «сценариев» создания произведений агиографического круга, связанного с тем или иным святым, даже в рамках одной региональной традиции было гораздо больше и они были гораздо разнообразнее, чем общие тенденции, наблюдаемые при создании целостной картины развития житийного жанра в русское позднее Средневековье. Об этом говорят, например, различные по характеру «деловое», «протокольное» житие Феоктиста Новгородского и эмоционально-художественное, полное беллетристических черт (в том числе в изображении посмертных чудес) житие Антония Римлянина в поздних редакциях. Однако общими для всех текстов поздней традиции становится смещение точки зрения на святость: от «взгляда изнутри», т. е. как бы «вместе» со святым прохождения пути к Богу, — к «взгляду со стороны», т. е. созерцания святости как образца для изучения и сохранения памяти о нем, а также как источника конкретной помощи и защиты⁶. В этом смысле житийное повествование как будто и впрямь становится демократичнее, но не только по формальным признакам (упрощение языка, приближение его к язы-

⁶ Вероятно, этому вполне утилитарному направлению в подходе к житийным текстам косвенно способствовала инициатива «сверху»: «в послесловии к первой части печатного Трефологиона 1638 г. упоминается о рассылке по монастырям царской грамоты с распоряжением присылать в Москву сведения о местных святых для последующего их включения в печатные книги» [33, с. 312].

ку деловой письменности либо демократической повести, введение «простых» героев и сниженных ситуаций и т. д.), но и по внутренней форме представления святости — не как «умного делания» и созерцания, а как феномен, наиболее ярко отличающийся от привычного, обыденного, как нечто «фантастическое», поражающее воображение.

Следует отметить, что в любой период развития житийного жанра наиболее художественными эпизодами становятся именно описания чудесного — как в виде отдельного композиционного чуда, так и в форме описания «неочевидного» присутствия Божественного в привычном земном мире. Чудо как знамение, как откровение чаще всего сопряжено с элементами высокой риторичности в повествовании, художественности, эмоциональности. В этом смысле любое житийное повествование лишь подтверждает вечную мысль о присутствии Божественного там, где красота присутствует в человеческом мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 *Алексеева А.С.* Косинская редакция жития Моисея, архиепископа Новгородского // Летняя школа по русской литературе. 2016. Т. 12, № 3. С. 241–257.
- 2 *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.
- 3 *Дмитриев Л.А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.: Наука, 1973. 303 с.
- 4 *Каган-Тарковская М.Д.* Развитие житийно-биографического жанра в XVI в.: Жития Адриана и Ферапонта Монзенских, Трифона Вятского, Симона Воломского, Серапиона Кожеозерского, Арсения Новгородского, Никандра Псковского // ГОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 49. С. 122–132.
- 5 *Карбасова Т.Б.* Монографический агиосборник как тип (на примере сборника, посвященного Кириллу Новоезерскому) // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. Т. II / под ред. Т.Р. Руди, С.А. Семячко. С. 240–248.
- 6 *Карбасова Т.Б.* О редактировании Жития Варлаама Хутынского в XVI в.: запись чудес // Вестник церковной истории. 2021. № 3/4 (63/64). С. 241–265.
- 7 *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит., 1971. 414 с.
- 8 *Ромодановская Е.К.* «Святой из гробницы»: О некоторых особенностях сибирской и севернорусской агиографии // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 143–159.

- 9 *Рыжова Е.А.* Мотив «плавание святого на камне» в житии Антония Римлянина и фольклоре // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. Т. II / отв. ред. Т.Р. Руди, С.А. Семячко. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 3–36.
- 10 *Рыжова Е.А.* Мотив «хождение по воде» в житиях юродивых и устных преданиях // Юродивые в русской культуре: [сб. ст.]. М.: Гос. ист. музей, 2013. С. 34–47. (Труды ГИМ; 197)
- 11 *Соболева А.Е.* Новонайденные ранние житийные тексты об Александре Свирском // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17, вып. 2. С. 290–308.
- 12 *Стародумов И.В.* Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2009. 20 с.
- 13 *Терешкина Д.Б.* Косинская редакция Жития Михаила Клопского // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 2013. Вып. 11. С. 190–197.
- 14 *Терешкина Д.Б.* Новгородская житийная литература: текст и образ // Визуальная теология. 2021. № 1 (4). С. 85–104. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2021-1-85-104>
- 15 *Терешкина Д.Б.* Святой в пространстве города (на материале памятников новгородской агиографии) // Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города. 2022. № 2 (3). С. 30–41. [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2\(3\)-30-41](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2(3)-30-41)
- 16 *Терешкина Д.Б.* Списки Жития Антония Римлянина в собрании Новгородского музея // Антоний Римлянин и его время. К 900-летию основания собора рожества Богородицы Антониева монастыря (1117–1119). Материалы научной конференции, Великий Новгород, 29–31 октября 2019 г. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2020. С. 59–67.
- 17 *Толстая С.М.* Образ мира в тексте и ритуале. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.
- 18 *Трофимова Н.В.* Чудеса в древнерусском воинском повествовании // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2011. № 4 (33). С. 72–79.

Источники

- 19 *Аверинцев С.С.* Чудо // Новая философская энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%A7%D0%A3%D0%94%D0%9E (дата обращения: 03.01.2023).
- 20 *Буланин Д.М., Творогов О.В.* Библиографические дополнения к статьям, помещенным в Словаре книжников и книжности Древней Руси (вып. 2, части 1–2) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. [Вып. 2]: Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 3: Библиографические дополнения. Приложение. С. 3–426.
- 21 Видение пономаря Тарасия // ПЛДР. М.: Худож. лит., 1984. [Вып. 6]: Конец XV — первая половина XVI века / вступ. ст. Д.С. Лихачева; сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. С. 416–421.

- 22 *Дмитриев Л.А.* Житие Варлаама Хутынского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1987. [Вып. 1]: XI — первая половина XIV в. С. 138–142.
- 23 *Дмитриев Л.А.* Житие Михаила Клопского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1988. [Вып. 2]: Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1: А—К. С. 302–305.
- 24 *Дмитриев Л.А.* Житие Иоанна Новгородского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1988. [Вып. 2]: Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1: А—К. С. 514–517.
- 25 Житие Антония Римлянина // БЛДР. СПб.: Наука, 2005. Т. 13: XVI век. С. 8–35.
- 26 Житие Варлаама Хутынского: в двух списках. СПб.: [б. и.], 1881. 110 с. (ОЛДП, вып. 41)
- 27 Житие и чудеса преподобного Антония Римлянина Новгородского чудотворца / вступ. ст., послесл. И.В. Кузнецова; пер., примеч. В.В. Полежаев; О-во христианской культуры и искусства св. Антония Римлянина. Новгород: [б. и.], 1997. 98 с.
- 28 Повести о житии Михаила Клопского / подгот. текстов и ст. Л.А. Дмитриева. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1958. 171 с.
- 29 Повесть о Благовещенской церкви // БЛДР. СПб.: Наука, 1999. Т. 6 (XIV — середина XV в.). С. 460–463.
- 30 Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе // БЛДР. СПб.: Наука, 1999. Т. 6 (XIV — середина XV в.). С. 450–459.
- 31 *Романова А.А., Преображенский А.С.* Николай (Никола (Кочанов)) // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2018. Т. 50. С. 274–289. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2565936.html> (дата обращения: 03.01.2023).
- 32 Сборник, посвященный Антонию Римлянину // Новгородский государственный музей-заповедник. КП 30056-38/ КР 191.
- 33 *Семячко С.А.* [Восточнославянская житийная литература XI–XVI вв.] / Житийная литература // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. 19. С. 283–345.
- 34 Сказание о битве новгородцев с суздальцами // БЛДР. СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV — середина XV века. С. 444–449.
- 35 *Соколова Л.В.* Чудеса Николы Кочанова // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. [Вып. 2]: Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1: А—К. С. 511–512.
- 36 *Тереишкина Д.Б.* Новгородская житийная литература: учеб. пособие по спецкурсу. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2006. 125 с.
- 37 *Фет Е.А.* Житие Антония Римлянина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. [Вып. 2]: Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1: А—К. С. 245–247.

REFERENCES

- 1 Alekseeva, A.S. “Kosinskaia redaktsiia Zhitiiia Moiseia, arkhiepiskopa Novgorodskogo” [“Kosin Version of the Life of Moses, Archbishop of Novgorod”]. *Letniiaia shkola po russkoi literature* [Summer School on Russian Literature], vol. 12, no. 3, 2016, pp. 241–257. (In Russian)
- 2 Berezovich, E.L. *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 600 p. (In Russian)
- 3 Dmitriev, L.A. *Zhitiinye povesti russkogo Severa kak pamiatniki literatury XIII–XVII vv.: Evoliutsiia zhanra legendarno-biograficheskikh skazanii* [Hagiographic Tales of the Russian North as Literary Monuments of the 13th–17th Centuries: Evolution of the Genre of Legendary Biographical Tales]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 303 p. (In Russian)
- 4 Kagan-Tarkovskaia, M.D. “Razvitie zhitiino-biograficheskogo zhanra v XVII v.: Zhitiiia Adriana i Feraponta Monzenskikh, Trifona Viatskogo, Simona Volomskogo, Serapiona Kozheozerskogo, Arseniia Novgorodskogo, Nikandra Pskovskogo” [“The Development of the Hagiographic Genre in the 17th Century: The Lives of Adrian and Ferapont of Monzensky, Tryphon of Vyatka, Simon of Volomsky, Serapion of Kozheozersky, Arseny of Novgorod, Nikander of Pskov”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 49. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1996. pp. 122–132. (In Russian)
- 5 Karbasova, T.B. “Monograficheskii agiosbornik kak tip (na primere sbornika, posviashchennogo Kirillu Novoezerskomu)” [“Monographic Hagiosbornik as a Type (on the Example of a Collection Dedicated to Kirill Novoezersky)”]. Rudi, T.R., and S.A. Semiachko, editors. *Russkaia agiografiia: Issledovaniia. Materialy. Publikatsii* [Russian Hagiography: Research. Materials. Publications], vol. II. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2011, pp. 240–248. (In Russian)
- 6 Karbasova, T.B. “O redaktirovanii Zhitiiia Varlaama Khutynskogo v XVI v.: zapis' chudes” [“On the Editing of the Life of Varlaam Khutynsky in the 16th Century: Recording Miracles”]. *Vestnik tserkovnoi istorii*, no. ¾, (63/64), 2021, pp. 241–265. (In Russian)
- 7 Likhachev, D.S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian literature]. 2nd ed., rev. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1971. 414 p. (In Russian)
- 8 Romodanovskaia, E.K. “‘Sviatoi iz grobnitsy’: O nekotorykh osobennostiakh sibirskoi i severnorusskoi agiografii” [“‘Saint from the Tomb’: On Some Features of Siberian and Northern Russian Hagiography”]. *Russkaia agiografiia: issledovaniia, publikatsii, polemika* [Russian Hagiography: Research. Materials. Publications]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005, pp. 143–159. (In Russian)
- 9 Ryzhova, E.A. “Motiv ‘plavanie sviatogo na kamne’ v zhitii Antoniiia Rimlianina i fol'klоре” [“Motif of ‘the Swimming of Saint on the Stone’ in the Life of Anthony the Roman and Folklore”]. Rudi, T.R., and S.A. Semiachko, editors. *Russkaia agiografiia: Issledovaniia. Materialy. Publikatsii* [Russian Hagiography: Research.

- Materials. Publications*], vol. II. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2011, pp. 3–36. (In Russian)
- 10 Ryzhova, E.A. “Motiv ‘khozhdenie po vode’ v zhitiiaikh iurodivykh i ustnykh predaniiakh” [“Motif of ‘Walking on Water’ in the Lives of Fools and Oral Traditions”]. *Iurodivye v russkoi kul'ture [Fool in Russian Culture]*. Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei Publ., 2013. pp. 34–47. (In Russian)
- 11 Soboleva, A.E. “Novonaidennye rannie zhitiinye teksty ob Aleksandre Svirskom” [“Newly Found Early Hagiographic Texts about Alexander Svirsky”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literature*, vol. 17, iss. 2, 2020, pp. 290–308. (In Russian)
- 12 Starodumov, I.V. *Zhanrovaia spetsifika povestvovaniia o posmertnykh chudesakh sviatykh podvizhnikov v sostave drevnerusskoi agiografii [Genre Specificity of Narratives about the Posthumous Miracles of the Holy Ascetics as part of the Old Russian Hagiography]*: PhD thesis. Omsk, 2009. (In Russian)
- 13 Tereshkina, D.B. “Kosinskaia redaktsiia Zhitiia Mikhaila Klopskogo” [“Kosin version of the Life of Mikhail Klopsky”]. *Novgorodskii arkhivnyi vestnik [Novgorod Archival Bulletin]*, iss. 1. Velikii Novgorod, 2013, pp. 190–197. (In Russian)
- 14 Tereshkina, D.B. “Novgorodskaia zhitiinaia literatura: tekst i obraz” [“Novgorod Hagiographic Literature: Text and Image”]. *Vizual'naia teologiya*, no. 1 (4), 2021, pp. 85–104. (In Russian) <https://doi.org/10.34680/vistheo-2021-1-85-104>
- 15 Tereshkina, D.B. “Sviatoi v prostranstve goroda (na materiale pamiatnikov novgorodskoi agiografii)” [“Saint in the Space of the City (based on the Material of the Monuments of Novgorod Hagiography)”]. *Urbis et Orbis. Mikroistoriia i semiotika goroda*, no. 2 (3), 2022, pp. 30–41. (In Russian) [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2\(3\)-30-41](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2(3)-30-41)
- 16 Tereshkina, D.B. “Spiski Zhitiia Antonii Rimlianina v sobranii Novgorodskogo muzeia” [“Copies of the Life of Anthony the Roman in the Collection of the Novgorod Museum”]. *Antonii Rimlianin i ego vremia. K 900-letiiu osnovaniia sobora rozhdstva Bogoroditsy Antonieva monastyrja (1117–1119). Materialy nauchnoi konferentsii, Velikii Novgorod, 29–31 oktiabria 2019 g. [Anthony the Roman and His Time. To the 900th Anniversary of the Foundation of Cathedral of Nativity of the Theotokos of the Antony Monastery (1117–1119). Proceedings of the Scientific Conference, Veliky Novgorod, October 29–31, 2019]*. Velikii Novgorod, Novgorodskii muzei-zapovednik Publ., 2020, pp. 59–67. (In Russian)
- 17 Tolstaia, S.M. *Obraz mira v tekste i ritual [Image of the World in the Text and Ritual]*. Moscow, Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauke Publ., 2015. 528 p. (In Russian)
- 18 Trofimova, N.V. “Chudesa v drevnerusskom voinskom povestvovaniia” [“Miracles in the Old Russian Military Narrative”]. *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*, no. 4 (33), 2011, pp. 72–79. (In Russian)

Информация об авторе: Дарья Борисовна Терешкина — доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41, 173003 г. Великий Новгород, Россия; профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (Филиал в г. Великий Новгород), ул. Германа, д. 31, 173003 г. Великий Новгород, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2079-1116>

E-mail: terdb@mail.ru

Information about the author: Daria B. Tereshkina, DSc in Philology, Professor of the Department of Philology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Bolshaya St. Petersburg 41, 173003 Veliky Novgorod, Russia; Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА) (Branch in Veliky Novgorod), Germana 31, 173003 Veliky Novgorod, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2079-1116>

E-mail: terdb@mail.ru

Для цитирования: Терешкина Д.Б. Чудеса в житиях новгородских святых: типология и художественное своеобразие // *Герменевтика древнерусской литературы*. Сборник 22 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 218–243. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-218-243>

© 2023, Д.Б. Терешкина

For citation: Tereshkina, D.B. “Miracles in the Lives of Novgorod Saints: Typology and Artistic Originality.” *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 22. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 218–243. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-218-243>

© 2023, Daria B. Tereshkina